

Александр Николаевич Островский

**Правда – хорошо, а
счастье лучше**

Александр Островский

Правда – хорошо, а счастье лучше

«Public Domain»

1876

Островский А. Н.

Правда – хорошо, а счастье лучше / А. Н. Островский — «Public Domain», 1876

«Сад при доме Барабошевых; прямо против зрителей большая каменная беседка с колоннами; на площадке, перед беседкой, садовая мебель: скамейки с задками на чугунных ножках и круглый столик; по сторонам кусты и фруктовые деревья; за беседкой видна решетка сада...»

Содержание

Действие первое	5
Явление первое	6
Явление второе	8
Явление третье	9
Явление четвертое	11
Явление пятое	12
Явление шестое	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Николаевич Островский

Правда – хорошо, а счастье лучше

(Комедия в четырех действиях)

Действие первое

Лица:

Амос Панфилович Барабошев, купец, лет за 40, вдовый.

Мавра Тарасовна, его мать, полная и еще довольно свежая старуха, лет за 60; одевается по-старинному, но богато; в речах и поступках важность и строгость.

Поликсена, дочь Барабошева, молодая девушка.

Филицата, старая нянька Поликсены.

Никандр Мухояров, приказчик Барабошева, лет 30.

Глеб Меркулыч, садовник.

Палагея Григорьевна Зыбкина, бедная женщина, вдова.

Платон, ее сын, молодой человек.

Действие происходит в Москве.

Сад при доме Барабошевых; прямо против зрителей большая каменная беседка с колоннами; на площадке, перед беседкой, садовая мебель: скамейки с задками на чугунных ножках и круглый столик; по сторонам кусты и фруктовые деревья; за беседкой видна решетка сада.

Явление первое

Входят Филицата и Зыбкина.

Зыбкина. Ах, ах, ах! Что ты мне сказала! Что ты мне сказала! То-то, я смотрю, девушка из лица изменилась, на себя не похожа.

Филицата. Все от любви, сердце ноет. И всегда так бывает, когда девушек запирают. Сидит, как в тюрьме, – выходу нет, а ведь уж в годах, уж давно замуж пора. Так чему удивиться-то?

Зыбкина. Да, да. Что же вы ее замуж-то не отдаете? Неужели женихов нет?

Филицата. Как женихов не быть! Четвертый год сватаются, и хорошие женихи были; да бабушка у нас больно характерна. Коли не очень богат, так и слышать не хочет; а были и с деньгами, так, вишь, развязности много, ученые речи говорит, ногами шаркает, одет пестро; что-нибудь да не по ней. Боится, что уважения ей от такого не будет. Ей, видишь ты, хочется зятя и богатого, и чтоб тихого, не из бойких, чтоб он с затруднением да не про все разговаривать-то умел; потому она сама из очень простого звания взята.

Зыбкина. Скоро ль ты его найдешь такого!

Филицата. И я то же говорю. Где ты нынче найдешь богатого да неразвязного? Кто его заставит длинный сертук надеть али виски гладко примазать? Вяжет-то человека что? Нужда. А богатый весь развязан и уж, обыкновенно, в цветных брюках. Ничего не поделаешь.

Зыбкина. Уж само собой, что в цветных; потому, какая ж ему неволя!..

Филицата. Мудрит старуха над женихами, а внучка, между тем временем, влюбилась да и сохнет сердцем. Кабы у нас знакомство было да вывозили Поликсену почаще в люди, так она бы не была так влюбчива; а из тюрьмы-то первому встречному рад: понравится и сатана лучше ясного сокола.

Зыбкина. Одного я понять не могу: в этой крепости сидючи, за пятью замками, за семью сторожами, только и свету, что в окне, – как тут влюбиться? Мечтай, сколько хочешь, а живого-то нет ничего. Ведь чтоб влюбиться очень-то, все-таки и видеться нужно, и поговорить хоть немножко.

Филицата. Ох, все это было, и не немножко. Разумеется, завсегда в этом мы, няньки, виноваты: мы – баловницы-то. Да ведь как и не побаловать! Вижу: в тоске томится – пусть, мол, поболтает с парнем для времяпровождения. А случай как не найти? Хоть сюда в сад проведу, никому и в лоб не влетит. А вот оно что вышло-то.

Зыбкина. Очень разве уж полюбила-то?

Филицата. До страсти полюбила. Сама суди: характер огневой, упорный, вся в бабушку. Вдруг ей придет фантазия: хочу, говорит, его видеть непременно! А в другой раз никак нельзя, а ей вынь да положь, – вот и вертись нянька, как знаешь. И день, и ночь ноги трясутся: так вот и жду, так вот и жду, что до бабушки дойдет – куда мне тогда деваться-то? А моя ль вина? Я давно твержу: «Пора, пора, что вы ее переращиваете, куда бережете?» Так бабушка-то у нас совсем состарилась, девичье-то положение понимать перестала. Я, говорит, живу же, ни об чем помышления не имею. На-ка! В семьдесят-то лет! А ты свою молодость вспомни!

Зыбкина. Диковинное дело, что у такого богатого, знаменитого купца дочь засиделась.

Филицата. Какой он богатый, какой знаменитый! Бабушка характерна, а он – балалайка бесструнная: никакого толку и не жди от них. Старуха-то богата, а у него своего ничего нет; он торгует от нее по доверенности, – дана ему небольшая; во сколько тысяч, уж не знаю. Да и то старуха за него каждый год приплачивает.

Зыбкина. Что ж им за радость в убыток торговать?

Филицата. Бабушка так рассуждает: хоть и в убыток, все-таки ему занятие; нарушь торговлю – при чем же он останется. Да уж морщится сама-то: видно, тяжело становится; а он – что дальше, то больше понятие терять начинает. Приказчик есть у нас, Никандра, такой-то химик, так волком и смотрит; путает хозяина-то еще пуше, от дела отводит; где хозяину – убыток, а ему – барыш. Слышим мы, на стороне-то так деньгами и пошвыривает, а пришел в одном сертучишке.

Зыбкина. Знаю я все это; сын мне сказывал.

Филицата. Ты за каким делом к хозяину-то пришла?

Зыбкина. Все об сыне. Да занят, говорят, хозяин-то; подождать велели. Взять я сына-то хочу, да опять беда – долг меня путает. Как поставила я его к вам на место, так хозяин мне вперед двести рублей денег дал – нужда была у меня крайняя. И взял хозяин-то с меня вексель, чтоб сын заживал. Да вот горе-то мое: нигде Платоша ужиться не может!

Филицата. Отчего бы так? Кажется, он парень смирный.

Зыбкина. Такой уж от рождения. Ты помнишь, когда он родился-то? В этот год дела наши расстроились; из богатства мы пришли в бедность; муж долго содержался за долги, а потом и помер – сколько горя-то было у меня. Вот, должно быть, на ребенка-то и подействовало, и вышел он с повреждением в уме.

Филицата. Какого же роду повреждение у него?

Зыбкина. Все он, как младенец, всем правду в глаза говорит.

Филицата. В совершенный-то смысл не входит?

Зыбкина. Говорит очень прямо; ну, значит, ничего себе в жизни составить и не может. Учился он хоть на медные деньги, а хорошо, и конторскую науку он всю понял; учителя все его любили и похвальные листы ему давали – и теперь у меня в рамках на стенке висят. Ну, конечно, всякому мило в ребенке откровенность видеть, а он и вырос, да такой же остался. Учатся бедные люди для того, чтоб звание иметь да место получить; а он чему учился-то, все это за правду принял, всему этому поверил. А по-нашему, матушка, по-купечески: учись, как знаешь, хоть с неба звезды хватай, а живи не по книгам, а по нашему обыкновению, как исстари заведено.

Филицата. Что ж ему у нас-то не живется?

Зыбкина. Да нельзя, матушка. Поступил он к вам в контору булгахтером, стал в дела вникать и видит, что хозяина обманывают; ему бы уж молчать, а он разговаривать стал. Ну, и что же с ним сделали? Начали все над ним смеяться, шутки да озорства делать, особенно Никандра; хозяину сказали, что он дела не смыслит, книги путает; оттерли его от должности и поставили шутом. (*Оглядываясь.*) Какой у вас сад распрекрасный!

Филицата. Сама старуха за всем наблюдает, и сохрани Бог, коли кто хоть одно яблоко тронет. А куда бережет? Ведь не торговать ими. Ужо, к вечеру, я пойду со двора, так занесу тебе десяточек, либо два.

Зыбкина. Спасибо.

Филицата. Надо мне сходить по нашему-то делу: колдуна я нашла.

Зыбкина. Ужли колдуна?

Филицата. Колдун не колдун, а слово знает. Не поможет ли он моей Поликсене? Все его в Москве не было, увидала я его третьего дня, как обрадовалась!

Входит Глеб, крутя в зубах веревку из мочалы.

Явление второе

Филицата, Зыбкина и Глеб.

Филицата. Меркулыч, ты мешок-то с яблоками убрал бы куда подальше, а то в кустах-то его видно. Сама пойдет да заметит – сохрани Господи!

Глеб. Прибрано.

Филицата. То-то же.

Глеб. А ты почему знаешь, что он с яблоками? Может, там у меня жемчуг насыпан?

Филицата. Не жемчуг; видела я.

Глеб. Понюхала. Эко у вас любопытство! Ну уж!

Филицата. Тебя же берегу, Меркулыч.

Глеб. Не надо, я сам себя поберегу. Кабы в сад, окромя меня да хозяев, никому ходу не было – ну, был бы я виноват; а то всякий ходит – значит, с меня взysкивать нечего.

Филицата. Толкуй с тобой! Кому нужны ваши яблоки? Хоть и сшалит кто – ну, десяток, много два во все лето, а ты мешками таскаешь.

Глеб. Я виноват не останусь, ты не сумлевайся.

Филицата. Да мне что!

Зыбкина. Заходи ко мне, как пойдешь к колдуну-то!

Филицата. Да, уж пойду; там что ни выдет, а попробую я эту ворожбу. Вон никак сама идет, пойдем за ворота, постоим, потолкуем. (*Уходят.*)

Глеб. Я себе оправдание найду.

Входят Мавра Тарасовна и Поликсена. Глеб отходит к сто-роне и подвязывает сук у дерева.

Явление третье

Мавра Тарасовна, Поликсена и Глеб.

Мавра Тарасовна. Нет уж, миленькая моя, что я захочу, так и будет; никто, кроме меня, не властен в доме приказывать.

Поликсена. Ну, и приказывайте, кто ж вам мешает!

Мавра Тарасовна. И приказываю, миленькая, и все делается по-моему, как я хочу.

Поликсена. Ну, вот прикажите, чтоб солнце не светило, чтоб ночь была.

Мавра Тарасовна. К чему ты эти глупости! Нешто я могу, коли Божья воля?

Поликсена. И много вы, бабушка, не можете; так только уж очень вы об себе высоко думаете.

Мавра Тарасовна. Что бы я ни думала, а уж знаю я, миленькая, наверно, что ты-то вся в моей власти: что только задумаю, то над тобой и сделаю.

Поликсена. Вы полагаете?

Мавра Тарасовна. Да что мне полагать? Я без положения знаю. Полагайте уж вы, как хотите; а мое дело – вам приказы давать, вот что.

Поликсена. Стало быть, вы воображаете, что мое сердце вас послушает: кого прикажете, того и будет любить?

Мавра Тарасовна. Да что такое за любовь? Никакой любви нет: пустое слово выдумали. Где много воли дают, там и любовь проявляется, и вся эта любовь – баловство одно. Покоряйся воле родительской – вот это твое должное; а любовь не есть какая необходимая, и без нее, миленькая, прожить можно. Я жила, не знала этой любви, и тебе незачем.

Поликсена. Знали, да забыли.

Мавра Тарасовна. Вот как не знала, что я – старуха старая, а мне и теперь твои слова слушать стыдно.

Поликсена. Прежде так рассуждали, а теперь уж совсем другие понятия.

Мавра Тарасовна. Ничего не другие, и теперь все одно, потому женская природа все та же осталась; какая была, такая и есть, никакой в ней перемены нет; ну, и порядок все тот же: прежде вам воли не давали, стерегли да берегли, – и теперь умные родители стерегут да берегут.

Поликсена (*смеясь*). Ну и берегите, да только хорошенько! (*Отходит к стороне.*)

Мавра Тарасовна (*Глебу*). Вижу я, Меркулыч, что тебе у нас жить надоело, – больно хорошо место, не по тебе. Так ищи себе такого, где от вас дела не спрашивают да пропажу не взыскивают! Оглядиись хорошенько, что у нас в саду-то! Где ж яблоки-то! Точно Мамай с своей силой прошел – много ль их осталось?

Глеб. Убыль есть, Мавра Тарасовна, это я вижу, это – правда ваша; у вас глаз на это верный, золотой глаз, – убыль есть, это так точно.

Поликсена (*смеясь*). Яблоков уберечь не можете, а хотите...

Мавра Тарасовна. погоди, Глеб, постой! До тебя очередь после дойдет! (*Медленно подходит к Поликсене.*) Это ты что же, миленькая, с кем так разговариваешь?

Поликсена. Сама про себя. Да я уж и забыла, что сказала.

Мавра Тарасовна. Ты не огорчайся, что ты позабыла; я запомню. Будешь ты сидеть дома под замком вплоть до свадьбы.

Поликсена. До какой свадьбы?

Мавра Тарасовна. А вот когда я найду тебе, миленькая, жениха по своей мысли.

Поликсена. А коли найдете по своей мысли, так сами за него и выходите, а мне какая надобность!

Мавра Тарасовна. Уж извини, надобностей твоих мы разбирать не станем, а отдадим за кого нам нужно.

Поликсена. Утешайтесь в мыслях-то, утешайтесь!

Мавра Тарасовна. Да не то что в мыслях, а и на деле будет то самое. Знаю я это твердо и так-то покойна, как нельзя быть лучше.

Поликсена. Бывает, что и бегают из дому-то.

Мавра Тарасовна. Бегают, у кого привязки нет.

Поликсена. А меня что удержит?

Мавра Тарасовна. Приданое богатое. Пожалеешь его, миленькая, не бросишь. Да вот что: уж очень ты разговорилась, а птица ты еще не велика, и не пристало мне с тобой много разговорных слов говорить. Есть у тебя охота, так болтай с нянькой. На то она в доме, чтоб твои глупости слушать, за то ей и жалованье платят. Ты гредишь, словно к зубам, а она поддакивает – вот вам и занятие, будто дело делаете. Мне распорядок в доме вести, а не балясы с вами точить. А ты мне убогом не грози! Коли замки у нас старые плохи, так слесаря нам, по знакомству, новые сделают, покрепче.

Поликсена. И вы мне, бабушка, замками не грозите! Кому неволя опротивеет, кто захочет из нее вырваться, тот себе дорогу найдет.

Мавра Тарасовна. Куда это, не слышать ли?

Поликсена *(на ухо бабушке).* В могилу. *(Уходит.)*

Мавра Тарасовна *(вслед ей).* Ну, миленькая, не вдруг-то туда сберешься – подумаешь прежде.

Явление четвертое

Мавра Тарасовна и Глеб.

Мавра Тарасовна. Где же, Меркулыч, яблоки-то?

Глеб. Яблоки? Это точно, как я теперь замечаю, их бы надо больше быть, – умаление есть.

Мавра Тарасовна. Да от чего умаление-то?

Глеб. Вот что, сударыня, Мавра Тарасовна: я их стеречь приставлен...

Мавра Тарасовна. Ну, да, ты; я с тебя и спрашиваю.

Глеб. Позвольте! Я их стеречь приставлен, так вы себя успокойте: я вам вора представлю.

Мавра Тарасовна. Давно бы тебе догадаться. Да ты, пожалуй, далеко искать станешь, так, не скоро найдешь; не поискать ли нам самим, поближе?

Глеб. Я вам вора представлю; потому мне тоже слушать такие слова от вас – ой-ой!

Мавра Тарасовна. Напраслину терпишь, миленький, задаром обидели?

Глеб. Что угодно говорите – на все ваша воля... А только я вам вот что скажу: нам без ундера никак нельзя.

Мавра Тарасовна. Какого, миленький, ундера, на что он нам?

Глеб. У ворот поставить. Сторожка у нас новая построена, вот он тут и должен существовать.

Мавра Тарасовна. У нас дворники есть.

Глеб. Ну, что дворники! Мужики – одно слово.

Мавра Тарасовна. Ундер ундером, это наше дело; а я с тобой об яблоках толкую.

Глеб. Да ундер для всего лучше, особливо если с кавалерией... Кто идет – он опрашивает: к кому, за чем? Кто выходит – он осмотрит, не несет ли чего из дому. Как можно! Первое дело – порядок, второе дело – вид. Купеческий дом, богатый, да нет ундера у ворот – это что ж такое!

Мавра Тарасовна. Ундера, это правда, для всякой осторожности... Я прикажу поискать.

Глеб. А вора, вы не беспокойтесь, я вам найду, я его устерегу. Не для вас, а для себя постараюсь, потому этот вор должен меня оправдать перед вами. Вам обидно, я вижу, вижу; но однако и мне... такое огорчение... это хоть кому...

Мавра Тарасовна. Ты с огорчения-то, пожалуй...

Глеб. Ну, уж не знаю, перенесу ли. Я вам наперед докладываю. Вон хозяин в сад вышел...
(*Уходит.*)

Входят Барабошев и Мухояров.

Явление пятое

Мавра Тарасовна, Барбошев и Мухояров.

Мухояров (*Барбошеву*). Давно я вас приглашаю: пожалуйста в контору; потому – хозяйский глаз... без него невозможно...

Барбошев. Не в расположении. (*Матери*.) Маменька, я расстроен. (*Мухоярову*.) Мне теперь нужен покой... Понимай! Одно слово и довольно. (*Матери*.) Маменька, я сегодня расстроен.

Мавра Тарасовна. Уж слышала, миленький, что дальше-то будет?

Барбошев. Все так и будет, в этом направлении. Я не в себе.

Мавра Тарасовна. Ну, мне до этих твоих меланхолиев нужды мало; потому ведь не Божеское какое поущение, а за свои же деньги, в погребке или в трактире расстройство-то себе покупаете.

Барбошев. Верно... Но при всем том и обида...

Мавра Тарасовна. Так вот ты слушай, Амос Панфилович, что тебе мать говорит.

Барбошев. Могу.

Мавра Тарасовна. Нельзя же, миленький, уж весь-то разум пропивать; надо что-нибудь, хоть немножко, и для дому поберечь.

Барбошев. Я так себя чувствую, что разуму у меня для дому достаточно.

Мавра Тарасовна. Нет, миленький, мало. У тебя и в помышлении нет, что дочь – невеста, что я к тебе третий год об женихах пристаю...

Барбошев. Аккурат напротив того, как вы рассуждаете: потому как я постоянно содержу это на уме.

Мавра Тарасовна. Да что их на уме-то содержать, ты нам-то их давай.

Барбошев. Через этих-то самых женихов я себе расстройство и получил. Вы непременно желаете для своей внучки негоцианта?

Мавра Тарасовна. Какого негоцианта! Так, купца попроче.

Барбошев. Все одно – негоцианты разные бывают: полированные и не полированные. Вам нужно черновой отделки, без политуры и без шику, физиономия опойковая, борода клином, старого пошибу, суздальского письма? Точно такого негоцианта я в предмете и имел; но на деле вышел конфуз.

Мавра Тарасовна. Почему же так, маленький?

Барбошев. Извольте, маменька, понимать; я сейчас вам буду докладывать. Сосед Пустоплесов тоже дочери жениха ищет.

Мавра Тарасовна. Знаю, миленький.

Барбошев. Стало быть, нам нужно ту осторожность иметь, чтоб себя против него не уронить. Спрашиваю я его: «Кого имеете в предмете?» – «Фабриканта», – говорит. Я думаю: «Значит, дело вровень, ушибить ему нас нечем». Только по времени слышу от него совсем другой тон. Намедни сидим с ним в трактире, пьем мадеру, потом пьем лафит «Шато ля роз», новый сорт, смягчит грудь и приятные мысли производит. Только опять зашла речь об этих женихах-мануфактуристах. «Вы, – говорит, – отдавайте: дело хорошее, вам такого и надо, а я раздумал». – «Почему?» – спрашиваю. «А вот увидишь», – говорит. Только вчера встречаю его, едет в коляске сам-друг, кланяется довольно гордо и показывает мне глазом на своего компаньона. Гляжу – полковник, в лучшем виде и при всем параде.

Мухояров. Однако плюха!

Мавра Тарасовна. Ай, ай, миленький!

Барабошев. Как я на ногах устоял, не знаю. Что я вина выпил с огорчения! «Шато ля роз» не действует, а от мадеры еще пуще в жар кидает. Велите-ка, маменька, дать холодненького.

Мавра Тарасовна. Прохладиться-то, миленький, еще успеешь... Видела я, сама видела, что к ним военный подъезжал. Как же нам думать с Поликсеной-то?

Барабошев. Ты скажи, маменька: обида это или нет?

Мавра Тарасовна. Ну как не обида! Само собой, обида.

Барабошев. Поклонился, да глазами-то так и скосил на полковника: на-ка, мол, Барабошев, почувствуй!

Мавра Тарасовна. Ведь зарезал, миленький, зарезал он нас!

Мухояров. Он теперь в мыслях-то подобно как на колокольне, а вы с грязью вровень-с.

Мавра Тарасовна. Но до этого случая ему возноситься над нами было нечем. Амос Панфилыч ни в чем ему передо не давал.

Барабошев. И теперь не дадим. Раскошеливайся, маменька, камуфлет изготовим.

Мавра Тарасовна. Да какой такой камуфлет?

Барабошев. К ним в семь часов господин полковник наезжает, и все они за полчаса ждут у окон, во все глаза смотрят... И сейчас – без четверти семь, подъезжает к нашему крыльцу... генерал! Вот мы им глазами-то и покажем.

Мухояров. Закуска важная! Сто твоих помирил, да пятьсот в гору.

Мавра Тарасовна. Да где ж ты, миленький, генерала возьмешь?

Барабошев. В образованных столицах, где живут люди просвещенные, там на всякое дело можно мастера найти. Ежели вам нужно гуся, вы едете в Охотный ряд, а ежели нужно жениха...

Мавра Тарасовна. Ну, само собой, к свахам.

Барабошев. К этому самому сословию мы и обращались и нашли настоящую своему делу художницу. Никандра, как она себя рекомендовала?

Мухояров. «Только птичьего молока от меня не спрашивайте, потому негде взять его; а то нет того на свете, чего бы я за деньги не сделала».

Барабошев. Одно слово: баба-орел; из себя королева, одевается в бархат, ходит отважно, говорит с жаром, так даже, что крылья у чепчика трясутся, точно он куда лететь хочет.

Мавра Тарасовна. И тебе не страшно будет, миленький, с генералом-то разговаривать?

Барабошев. У меня разговор свободный, точно что льется, без всякой задержки и против кого угодно. Такое мне дарование дано от Бога разговаривать, что даже все удивляются. По разговору мне бы давно надо в думе гласным быть или головой; только у меня в уме суждения нет и что к чему – этого мне не дано. А обыкновенный разговор, окромя сурьезного, у меня все равно что бисер.

Мавра Тарасовна. У тебя есть дарование, а мне-то как, миленький?

Барабошев. И вы так точно, под меня подражайте.

Мавра Тарасовна. А денег-то сколько нужно? Как это генералу полагается?

Барабошев. Деньги – всё те же; но лучше отдать их вельможе, чем суконному рылу.

Мавра Тарасовна. Да шутишь ты, миленький, или вправду?

Барабошев. Завтрашнего числа развязка всему будет: придет сваха с ответом, и тогда у нас рассуждение будет, какой генералу прием сделать.

Мавра Тарасовна. Нам хоть кого принять не стыдно: дом как стеклышко.

Барабошев. Об винах надо будет заняться основательно, сделать выборку из прейс-курантов.

Мавра Тарасовна. Да, вот еще, не забыть бы: нужно нам ундера к воротам для всякого порядку; а теперь, при таком случае, оно и кстати.

Барабошев. Это – дело самое настоящее; я об ундере давно воображал.

Мавра Тарасовна. Так я велю поискать, нет ли у кого из прислуги знакомого. (*Уходит.*)

Входит Зыбкина.

Явление шестое

Барабошев, Мухояров и Зыбкина.

Зыбкина (*кланяясь.*) Я к вам, Амос Панфилыч.

Барабошев. Оченно вижу-с. Чем могу служить? Приказывайте!

Зыбкина. Наше дело – кланяться, а не приказывать. Насчет сынка.

Барабошев. Что же будет вам угодно-с?

Зыбкина. Коли он к вашему делу не нужен, так вы его лучше отпустите!

Барабошев. В хорошем хозяйстве ничего не бросают: потому всякая дрянь пригодиться может.

Зыбкина. Да что ж ему у вас болтаться? Он в другом месте при деле может быть.

Барабошев. И сейчас при должности находится: он у нас заместо Балакирева.

Зыбкина. Он должен свое дело делать, чему обучен; ему стыдно в такой должности быть.

Барабошев. А коли это звание для него низко, мы его можем уволить. Сам плакать об нем не буду и другим не прикажу.

Зыбкина. Так уж сделайте одолжение, отпустите его!

Барабошев. Я против закону удерживать его не могу, потому всякий человек свою волю имеет. Но из вашего разговора я заключаю так, что вы деньги принесли по вашему документу.

Зыбкина. Уж деньги-то я вас покорно прошу подождать.

Барабошев. Да-с, это, по-нашему, пустой разговор называется. Разговаривать нужно тогда, когда в руках есть что-нибудь; а у вас нет ничего, значит, все ваши слова – только одно мечтание. Но мечтать вы можете сами с собой, и я вас прошу своими мечтами меня не беспокоить. У нас, коммерсантов, время даже дороже денег считается. Затем до приятного свидания (*кланяется*), и потрудитесь быть здоровы! (*Мухоярову.*) Никандра, какие у нас дела по конторе спешные?

Мухояров. Задержка в корреспонденции, побудительные письма нужно подписать; потому платежи в большом застое.

Барабошев. Скажи Платону Иванову Зыбкину, чтобы он все, что экстренное, сюда принес.

Мухояров уходит.

Зыбкина. Я одного боюсь, Амос Панфилыч: как бы он на ваши шутки вам не согрубил; пожалуй, что обидное скажет.

Барабошев. Никак не может; потому обида только от равного считается. Мы над кем шутим, так даже и ругаться дозволяем; это для нас одно удовольствие.

Зыбкина. Нечего делать, надо будет денег искать.

Барабошев. Сделайте одолжение! И ежели где очень много найдете, так покажите и нам, и мы в оном месте искать будем. Честь имею кланяться.

Зыбкина уходит. Входят Мухояров и Платон Зыбкин; в руках у него письма и чернильница с пером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.